

Полночь по парижскому времени. Амазонка

Автор:

[Алиса Клевер](#)

Полночь по парижскому времени. Амазонка

Алиса Клевер

Полночь по парижскому времени #1

Вместо отпуска с возлюбленным Даша Синица вынуждена поехать в Париж – ее матери, известной актрисе Ольге Синице, требуется очередная пластическая операция. Прекрасно говорящая по-французски Даша должна помочь в этом деликатном деле. Хирург Андре Робен поражает воображение замкнутой и неуверенной девушки. Это «настоящий роллс-ройс среди мужчин». К удивлению Даши, Андре приглашает ее на ужин. Общаясь с Андре, девушка понимает: то, что она раньше считала страстью, не идет в сравнение с тем, что она испытывает к этому мужчине. Их, как магнитом, притягивает друг другу. Их тела высекают молнии, а от их искр могут загореться Елисейские поля.

Алиса Клевер

Полночь по парижскому времени

Книга первая

«Амазонка»

Если страсть – выдумка, ты не испытывала ее.

Если ты знаешь о ней все, это была не она.

Если ты научилась дышать, ты учишь язык любви.

Тело – это наименьшее из того, что женщина может дать мужчине.

Ромен Роллан

* * *

Я бегу параллельно шоссе, на котором в глухой пробке стоят запыленные машины, и, если бы не спортивная одежда и наушники, можно было бы решить, что я от кого-то убегаю. В какой-то степени это так и есть – я бегу от самой себя, но снова нагоняю, приближаюсь к себе с каждой новой секундой. Я бегу быстро, почти не глядя по сторонам – это мой способ забыться. Раз, два, три, четыре. Раз, два....

Мой взгляд скользит по изрезанному линиями асфальту, по придорожным камням, я делаю очередной вдох и вдруг натываюсь взглядом на витрину автобусной остановки. Разношенные кроссовки цепляют асфальт, я пытаюсь удержаться, но ритм сбив, мои глаза прикованы к прекрасному лицу женщины лет сорока, с кошачьими зелеными глазами и гордым разворотом плеч. Она – в центре афиши, русская Вивьен Ли, не унесенная ветром актриса – теперь – в новом фильме. Во всех кинотеатрах страны. Она красивее меня раз в сто, даже глаза у меня не ее, я пошла в отца.

Моя мать.

Я лечу на асфальт, раздирая колено. Черт побери, какого лешего! Ты что, забыла, что эти дурацкие афиши развешаны по всему городу? Колено болит, я задыхаюсь и с трудом поднимаюсь, перебирая ногами. Кровь пульсирует у виска. Обычно бег приносит облегчение, но не сегодня. Моей сорокалетней матери с картинки на самом деле почти шестьдесят, и между ее экранным образом и реальной живой женщиной осталось так мало общего. Недопустимо мало. Она сказала мне вчера, что это подарок – наша поездка в Париж. Не мне, конечно. Кузьме.

Что мне делать?

Водители, мимо чьих машин я ковыляю, смотрят на меня с недоумением. Их можно понять. Кто бегают по Бибирево, да еще в такую жару? Еще совсем рано, но прохлады нет. Теперь я представляю собой жалкое зрелище – пот заливает лицо, собранные в конский хвост волосы пропитались им насквозь. Я нацепила первое, что попало под руку, больше всего боясь разбудить Сережу, и вылетела из дома, будто там – пожар.

Я вообще не понимаю, почему он постоянно остается ночевать!

Рукава ветровки обвязаны вокруг моей талии, белая футболка с какой-то глупой рожей на груди тоже пропиталась потом, и я совсем не похожа на прекрасных девушек из интернета, рекламирующих здоровый образ жизни. Ты не можешь вести здоровый образ жизни в Бибирево. Это просто не то место. Но я живу именно тут, что ж поделать. И наплевать, кто и что думает об этом.

Дурацкий характер. Так говорит мама. А Сережа: «Не хочешь ехать в Париж – не езжай, оставайся в Москве». Он вчера чуть ли не в лицо кричал мне это, но разве я когда-нибудь кого-то слушала?

Разве итог не логичен – я падаю как подкошенная при виде фотографии собственной матери, и теперь идти больно, кровь сочится из колена. А еще больше – обидно. Что и кому ты пыталась доказать? Тоже мне, марафонец недоделанный. Ты просто сбежала, чтобы не объясняться с Сережей, разве нет? Но ведь объясняться все равно придется.

– Что случилось? – Сережа сидит на постели, он обижен, и я знаю, что он обижен, но делаю вид, что ничего не замечаю. Дурацкий характер.

– Ничего не случилось, – отвечаю. Но тот факт, что я серьезно хромаю, говорит сам за себя.

– Естественно, – он кивает, старательно сдерживая эмоции, которые так и бьются волнами. Ему трудно со мной. У меня характер нордический, вся в отца. Отец всю жизнь прожил на Крайнем Севере.

– Ты давно проснулся? – спрашиваю я как ни в чем не бывало, и Сережа отворачивается к окну. Я сбрасываю кроссовки, трико, забираюсь в кресло с ногами и приступаю к дезинфекции раны. Вот идиотка, разбила коленку.

– Давно, как только ты ушла! – бормочет он, но я предпочитаю не слышать подтекста. К черту подтекст. Два года Сережа пытается приучить меня к себе, но это удается ему не больше, чем мне выдрессировать своего кота. Я просто не понимаю, зачем нужно спать вместе. Это неудобно, жарко, одеяла на двоих не хватает, а, если я читаю, Сереже мешает свет. В чем смысл?

– Что с твоей ногой? – наконец интересуется он.

– Ничего, – пожимаю плечами я. Сережа фыркает.

– Конечно, что еще от тебя услышишь? Всегда одно сплошное «ничего». Приползешь вся в крови – и то скажешь, что все «ок». Что случилось?

– Враги напали, – улыбаюсь я. – Мне нужно принять душ.

– Почему ты говоришь со мной таким тоном?! – неожиданно взрывается он. Хотя почему неожиданно? Наверное, битый час он сидел в моей постели и гадал, куда я делась. И злился.

– Я не говорю с тобой никаким ТАКИМ тоном, – бормочу я именно «таким» тоном, но мне наплевать. Я демонстративно ухожу в ванную, за моей спиной Сережа тихо чертыхается. Ничего со мной не поделать.

Мы должны были через два дня уезжать в отпуск – в Финляндию, ловить каких-то огромных рыбин, от которых Сережа с ума сходит. Каждый год они с отцом и еще какими-то друзьями ездят куда-то, в дикие леса с комарами и медведями, в надежде поймать на крючок чудовище еще большего размера. Я терпеть не могу саму идею такого отдыха, я давно бы стала вегетарианкой, если бы идея вегетарианства не была так «политизирована». Я терпеть не могу быть категорически «против». Но тащить живое существо за крючок из воды...

«Почему ты просто не сказала «нет»? Ты никогда не имела проблем с этим!»

Законный вопрос. Вот только – речь идет о моей матери, а ей сказать «нет» куда сложнее. И потом, Сережа меня не спрашивал, он меня уведомил, что на этот раз, он считает – я должна поехать с ним. Мол, сколько можно уже оставлять его одного на все праздники и отпуска.

В конце концов, как его женщина, я должна...

И что подумают люди...

И это будет просто здорово, он купил новую палатку...

А потом он заказал билеты, согласовал сроки и даты у себя на работе. И я оказалась в затруднительном положении, ибо ехать в Финляндию совсем не хотела, но и ругаться снова – перспектива так себе. Провидение вмешалось в лице моей мамы. И Кузьмы, мамино «нового», как бы певца – только кто слышал его песни? Высокий, стройный, как пальма, загорелый мужчина с несколькими идеальными, тщательно отретпетированными улыбками – он смотрелся рядом с моей мамой так странно, так нелепо. Он совершенно ей не шел, как неправильно подобранный аксессуар, но он ей нравился. Она с ума по нему сходила.

Нашла себе Кена, моя Вивьен.

В конечном итоге мама сделала ровно то же самое, что и Сережа, – решила все за меня и заказала билеты в Париж. Отпуск, сказала она. И я повторила это Сереже. Я проведу свой отпуск с мамой в Париже. Мне очень жаль, что какие-то рыбины выживут из-за того, что я не добралась до них.

Я сижу на дне ванны, обхватив руками колени, и горячая вода льется на мою голову и спину. Коленка саднит, но это ничего. Побывать одной не удастся, я слышу, как открывается дверь, и разогретое горячей водой тело чувствует холодный поток воздуха. Сережа приоткрывает занавеску и садится на бортик ванны.

– Хей! Ну хватит обижаться! – Его голос звучит виновато и примирительно. Забавно, что он решил, будто я обижаюсь, приписав свои собственные чувства мне. – В конце концов, мать есть мать, верно? Ну поедешь ты в свой Париж, и ладно. Да?

– Да! – улыбаюсь я. Я его прощаю, раз уж он так хочет. Сережа – крупный парень, и сидеть на тонком бортике ему неудобно. Кроме того, вид моего голого тела действует на него, как красная тряпка на быка. Я чувствую легкий протест – я хотела побыть тут сама с собой. Мне так много нужно обдумать до того, как я сяду в самолет...

– Мокнешь? Можно к тебе?

Я киваю, и он поднимается с довольным видом. Он уже хочет меня, еле сдерживается. Сережа всегда готов к сексу за исключением дней, когда он играет в футбол, – тогда он выматывается и сбрасывает всю свою энергию. Трудно поверить в такую жажду между парой, живущей вместе уже два года. Иногда мне кажется, что я у него вместо сексуального громоотвода. Сережа не смог бы жить без женщины.

Он скидывает футболку и трусы и забирается ко мне в ванну. Она не подходит для любви: мы вдвоем в ней с трудом помещаемся. Каждый неосторожный шаг может стоить мне второй коленки, но мне нравится обниматься, чувствовать его тело – такое сильное, неловкое и жадное. Мне приятно, что по нашим телам текут теплые струи воды.

– Бедненькая, ушиблась. Иди ко мне! – шепчет Сережа. Он берет меня за плечи, помогает подняться, прижимает к себе. Я смеюсь и щелкаю его по носу. Медведь неуклюжий, но когда надо – и не подумает оступиться. Мое лицо залито водой, и мне нравится думать, что это – слезы. Это так драматично, я вся в слезах, и Сережа целует мое лицо, слизывает капли с моих щек. Он высокий, немного сутулится, и это портит его. Я не пытаюсь с этим бороться, стараюсь принимать его таким, какой он есть. На какие-то вещи можно закрыть глаза. Я закрываю глаза и чувствую, как его руки ласкают мои груди.

Предсказуемость его движений утомляет, и мне приходится немного подыграть, чтобы показать свое участие в процессе. Не знаю, нужно ли ему это все – мои фальшивые стоны, улыбки, подбадривания. Но я делаю это, а он не возражает. Актриса из меня никакая. Не в маму, но Сереже достаточно. Он смотрит на меня, но погружен в себя, в свои чувства.

За два года я хорошо изучила этот ритуал. Он сжимает мои груди большими шершавыми ладонями – сильнее, чем я хотела бы – но почти сразу отпускает. Его руки скользят вниз по моему мокрому телу, он обхватывает мои ягодицы, чуть раздвигает их, одновременно целуя в губы. Его пальцы проскальзывают внутрь моего тела, и в этот момент он стонет от наслаждения. Ему нравится быть у меня внутри. Пальцы двигаются быстро и немного неуклюже, он зацепляет кожу, и я вздрагиваю от боли, невольно отодвигаясь.

– Извини, – шепчет он, и я расслабляюсь, отдаюсь в его руки. Меня заводит чувство, что мое длинное худощавое тело заводит его.

– Возьми меня, – прошу я, прикасаясь к его члену, и в ответ на мои слова чувствую, как эрекция крепчает, становится почти непереносимой для него. Я знаю, что Сережа гордится своей мужской силой и своими возможностями, которые в основном измеряются в сантиметрах и минутах. И кто я, чтобы разочаровывать его? Сережа с силой вцепляется в мои бедра и разворачивает меня спиной к себе.

– Может быть, пойдём на кровать? – спрашиваю я.

– Синичка, держись! – и Сережа с силой врывается в мое тело. Я вскрикиваю, чувствуя его член внутри. Он начинает наносить сильные глубокие удары. Его пальцы теребят мой сосок. Я бы предпочла пойти в постель, теперь вода только мешает. Сережа с усилием надавливает мне на спину, заставляя согнуться. Я вцепляюсь руками в края ванны и упираюсь, чтобы лучше держать удар.

Я прекрасно знаю, что будет дальше – это продлится некоторое время, сила ударов будет варьироваться. Сережа станет прикасаться ко мне, массировать мой клитор. Поднимет меня, поцелует в шею, проведет языком по краю моего уха, а его руки в это время захватят мои груди. Может быть, потом он шлепнет меня по ягодице. Именно так, как это делают в порнушке.

Может быть, я не так уж сильно люблю секс?

– Чувствуешь меня? – спрашивает он. Я глубоко дышу и постанываю. Мне нравится то, что происходит, честно. Это в женской природе: мы ощущаем себя счастливыми, если наше тело желанно. Просто... это не сводит с ума. Меня, наверное, просто невозможно свести с ума. Мама говорит, что я – ужасный интроверт, вся в себе. И все чувства тоже где-то очень, очень глубоко. Так глубоко, что я не могу их найти.

Я была такой всегда, с самого детства. Может быть, я вообще неспособна ничего чувствовать? Фригидна?

Наконец все заканчивается несколькими действительно сильными ударами, когда Сережа хватает меня за бедра и будто пытается пронзить насквозь своим крепким членом. Я глубоко вздыхаю и издаю протяжный стон – как раз вовремя. Оргазм накатывает, и я чувствую, как волны сокращений прокатываются по телу моего парня. Сейчас все прекратится, и я, как это часто бывает, останусь с легким чувством разочарования и беспокойства.

Секс – не самая интересная игра, к тому же я каждый раз боюсь забеременеть, хоть и пью таблетки. У меня есть знакомая, которая родила двоих, в первый раз – принимая таблетки, второй – при каком-то уколе, который дает сто процентов гарантии. В общем, расслабиться сложно. Наверное, в этом все дело.

– Я не хочу ехать к финнам без тебя, – говорит Сережа, поворачивая меня к себе. Он нежно отбрасывает мокрую прядь волос с моего лба и целует меня. – Я думал, ты будешь рядом, в моей палатке... голая.

– Я тоже не хочу уезжать, – вру я. – Но у меня нет выбора.

– Выбор есть всегда, – возражает он, и я предчувствую, что сейчас начнется второй раунд нашей вчерашней ссоры. Как же я хотела бы избежать этого! Как было бы хорошо, если бы можно было отрезать всю эту эмоциональную часть и просто объясниться холодно и по-деловому. Ты едешь в свой отпуск без меня или не едешь в него вовсе. Я еду с моей матерью в Париж.

– Я еду в Париж, и точка. Разве это так странно?

– Если бы я знал тебя меньше... – фыркает Сережа и бросает мне полотенце, которым только что вытерся сам. Вот то, почему мне не очень нравится жить с кем-то. Я слишком люблю вытираться сухими полотенцами. – Зачем ты едешь туда?

– Отдыхать! Мама все оплачивает.

– Как будто дело в этом! – Ему-то уж лучше других известно, что я не беру денег у мамы. – Чего ты там не видела, в Париже?

Я отворачиваюсь, принимаясь разглядывать линии на собственной ладони. Я никогда не была в Париже, но Сережа инстинктивно чувствует что-то. Или он просто хочет меня отговорить. В любом случае... Мы едем в клинику, к пластическому хирургу. Но это – страшная тайна, и я, конечно, не могу сказать об этом никому. Даже своему парню.

Я всегда была хороша в сохранении секретов, которых в жизни моей мамы хватало. До тридцати пяти мама выглядела на двадцать, и это устраивало ее полностью. В тридцать семь она родила меня, и это пошатнуло хрупкий баланс.

Все из-за меня.

В сорок она смирилась с тем, что, даже при всех предложенных мерах по спасению, она не может выглядеть моложе двадцати пяти. На двадцать пять – тридцать ей удавалось выглядеть до пятидесяти. По крайней мере, на фотографиях. Затем начались проблемы, с которыми она билась последние десять лет. И о которых никому не положено знать.

Кроме меня. И, конечно, врача из Франции. Только мы двое. И кому какое дело, что я категорически против того, чтобы мать в очередной раз подвергала себя риску. Что я еле пережила ее последнюю липосакцию. Ей было плохо две недели, об этом чуть было не узнали журналисты. И вообще – я не думаю, что это возможно – в шестьдесят выглядеть на тридцать шесть. А именно столько лет Кузьме. Да и не Кузьма он вовсе, его зовут Александр Носков. Но сейчас так популярны старорусские имена.

– Мне нужно еще отвезти кота. Давай... не будем, – бормочу я, наливая в ладонь изрядную порцию мусса. Я намыливаю лицо, а Сережа чистит зубы. Я бы

предпочла, чтобы и это он делал без моего присутствия. Слишком близко, слишком много пикселей. Я стараюсь не смотреть на него.

– Давай не будем, – кивает он с готовностью, споласкивая рот водой из-под крана. Я еле успеваю отпрыгнуть в сторону. – Давай ты позвонишь своей матери, скажешь, что у тебя есть своя жизнь, свой парень. И ехать с нею и ее молодым любовником ты не хочешь. И добавишь все, что ты мне говорила про ее любовника.

– Которого именно? Я тебе за два года про многих успела наговорить всего, – усмехаюсь я. Конечно, Кузьма не едет с нами. Он думает, маму пригласили на съемки французского независимого фильма. Он рыдал, обижался и заламывал руки. Хотел познакомиться с французскими продюсерами. Но мама была непреклонна. Еще бы!

Я бросаю мокрое полотенце на пол и выхожу из ванной. Кот как ни в чем не бывало сидит посреди моей кровати – довольный тем фактом, что Сережа из нее убрался наконец. Мой кот не любит Сережу, так и не полюбил. Он тоже предпочитает, чтобы в нашей квартире ночевали только мы с ним.

– Я не могу сдать твою путевку. Знаешь, сколько я за нее отдал?!

– Ты хочешь, чтобы я вернула тебе за нее деньги?

– Ты прекрасно понимаешь, что я не об этом говорю! Я мог бы тоже поехать в Париж этот чертов. – Сережа смотрит на меня и хмурится. – Мне кажется, ты рада, что не едешь со мной.

– С чего ты взял? – я стараюсь контролировать свой голос, чтобы он звучал убедительно. Не дай бог, он решит ехать с нами. Горячо, очень горячо. Сережа огляделся в бессилии, а затем нахмурился и рявкнул на кота.

– Иди отсюда, мурло! – эта последняя фраза полна раздражения и злости, но «мурло» остается сидеть на месте, прямо на подушке, сверля немигающим взглядом моего взбешенного бойфренда. Сережа плюет и отправляется в кухню,

греметь кастрюлями. Бытовуха.

Через час мы с «мурлом» сидим в такси. Кота согласилась взять мамина старая подруга Шурочка Трошкина, такая старая, что рядом со мной и мамой смотрится как бабушка. Примечательно, что когда-то они с мамой были одного возраста – правда, никто уже не помнит когда. Меня тогда еще на свете не было.

Шурочка своего возраста не стесняется. У нее двое внуков. У нее кот и такса, которая ворует сосиски.

А мы едем в Париж, чтобы положить мою шестидесятилетнюю маму под нож хирурга – на операцию столь ненужную, сколь и опасную. Мама хочет выглядеть моей ровесницей и наплевать ей, что между нами разница в тридцать семь лет. Если бы это было возможно, мама с удовольствием бы выглядела моложе меня.

* * *

– Костик! Что это за мода, называть котов человеческими именами?! – нахмурилась мама, сверля стюардессу взглядом, полным подозрения. Мама заказала себе диетическое питание с самым низким содержанием углеводов, без глютена, сахара и вообще без всего, так что удивительно, что стюардесса вообще принесла ей хоть что-нибудь, кроме воды. Однако маму все же терзали смутные сомнения насчет наличия глютена. Стюардесса натянуто улыбнулась и ушла.

– Он был таким костлявым, когда мне его принесли, – пробормотала я, оправдываясь. С мамой я всегда оправдываюсь, с самого рождения, за само рождение, за тот ущерб, который это рождение принесло ее внешности.

– Зачем ты вообще его взяла? Теперь привязана! Хорошо еще, есть Шурочка.

– Да, хорошо, – согласилась я. Иногда в детстве я мечтала о том, чтобы Шурочка была моей двоюродной матерью. У нее в доме всегда был борщ, пеклись

пирожки. В нашем доме даже запах еды был под запретом. Не вводи в соблазн! Дом с множеством зеркал и полным отсутствием пищи.

Когда подруга притащила мне Костю, я не думала, что он вообще выживет. Тощее рыжее нечто, попискивающее в коробке. С пятнами на мордочке, делающими его похожим на мушкетера. Особенно в сочетании с усами, которые потом отрасли. А первые две недели я называла его не Костей, а «костями». «Идите жрать, кости несчастные». В этом духе.

- Ты не могла бы попросить у них крышку от упаковки к этой рыбе? Они обязаны держать еду запакованной, с указанием состава и срока годности!

- Нету там никакого глютена, - возмутилась я. - И вообще, какая разница? Ты готова лечь под нож, пережить общий наркоз, но не готова съесть немножечко глютена, который едят все?

- Даша! - обиженно воскликнула мама, но я не собиралась сдерживаться.

- Что Даша? - переспросила я, пристально посмотрев на маму. Иногда я тоже бываю вредной. Дурацкий характер.

- Ты хочешь меня расстроить?

- Ешь свой глютен, пожалуйста! - я встала, отбросив салфетку на кресло, и вышла в проход. С самолета, конечно, не убежать, хотя и хочется. Я прошла вдоль комфортных кресел бизнес-класса и, проскользнув сквозь тяжелую темно-синюю занавеску, прошла до самого хвоста самолета. Там мальчик-стюард разливал кофе по жестяным кофейникам и смеялся, флиртуя с одной из стюардесс. Я склонилась к иллюминатору и принялась разминать затекшие конечности. Жить с мамой никогда не было легко. Отчасти поэтому я и уехала, как только смогла взять эту кабальную ипотеку - пять лет назад, в восемнадцать лет, мне дали ее под чудовищный процент. Я занималась переводами с пятнадцати, удалось кое-что скопить. Мама все спрашивала, зачем мне переезжать с Малой Бронной в Бибирево? Она считала, что это такая месть, бунт тихого, но трудного подростка.

Но это была всего лишь мера выживания.

Мама всегда была разной – к каждому случаю свой платок, своя сумочка, специальное выражение лица, подходящая улыбка и личина. Актриса. Я никогда не понимала, как она делает это. И никогда не знала, где она – настоящая. Я искала себя, а она спокойно меняла персонажей, и с каждым новым образом менялось даже мировоззрение – ненадолго. Пока не сменится направление ветра.

Мы приземлились ранним утром. Бизнес-класс выпускали отдельно от основного потока, но около паспортного контроля нас поймала-таки мамина поклонница. Мама уже расслабилась и перестала играть роль – так происходило всегда, стоило ей покинуть пределы родины. За рубежом она была вовсе не так известна, как на родине, и можно было позволить себе побыть просто усталой женщиной под шестьдесят – невиданная роскошь для моей мамы.

– Простите, пожалуйста! – глаза дамы в леопардовом платье горели от возбуждения. – Вы же Ольга Сеница, да?

– Нет, – буркнула мама, нацепив на нос огромные темные очки. Когда-то загар ее красил, теперь старил еще больше, и она защищалась от него всеми способами.

– Я смотрела все ваши фильмы! О, я вас обожаю! Я ходила на ваши спектакли. Я даже прическу сделала такую же, как у вас, – счастливо улыбнулась поклонница в леопардовом. Мама приподняла край очков, и смерила даму уничтожающим взглядом.

– Да? – хмыкнула она. – И что же с нею случилось?

Женщина побледнела и отступила на шаг. Мне стало ее почти жалко, но, в конце концов, мама была права. Прическа у дамы была чудовищно залита лаком для волос и взбита, как кремный пудинг. Ничего общего.

Мама напряженно оглянулась, но выбраться отсюда легко не получалось. Леопардовая дама перегородила проход, и мы стояли, пока остальные пассажиры, недоуменно оглядываясь на нас и сонно зевая, перетекали медленным ручейком по разгороженной лентами очереди к паспортному контролю.

– А вы, оказывается, – старая! – крикнула дама вслед, и мама вздрогнула, как от боли. Я тут же пожалела, что не вырвала пару лаковых косм из дурацкой леопардовой головы. Теперь мама долго не придет в себя.

– Извините, нам пора, мы опаздываем, – пробормотала я, вклиниваясь между мамой и очередью. Мама смотрела на меня так, словно я была прозрачной. Плохо. Затем я услышала «клик». Чертова леопардиха держала в воздухе телефон.

– Никаких фотографий! – взвизгнула мама и наклонилась, пытаясь закрыться руками. Я протащила ее через паспортный контроль. Только в тишине затонированного такси мама немного пришла в себя. Тяжело быть звездой, особенно когда ты летишь вниз по небесному своду. Все загадывают желания, а тебе предстоит разбиться.

Я никогда не была в Париже. Эйфелева башня, Лувр, Мона Лиза – я хотела бы увидеть все, но доктор, ради которого мы прилетели сюда, мог принять нас сегодня только до двенадцати, а это значило, что мы едва успевали забросить вещи в отель. Я даже не успела осознать, насколько прекрасное место выбрала мама для нашего проживания – центр Парижа, красота и престиж.

Я следила, чтобы чемоданы не потерялись и были уложены в машину, я расплачивалась с таксистами, объяснялась с портье. В конце концов, ради этого мама и взяла меня с собой – чтобы я переводила для нее. Она не говорила по-французски.

– Красиво жить не запретишь! – прошептала я, стоя в лобби отеля. Сквозь высокие, метра в три, окна, виднелась маленькая солнечная улочка с разномастными домиками, спешащими куда-то машинками – такими маленькими, что я не могла отделаться от ощущения, что они игрушечные. В лобби стояли большие мягкие диваны и кресла, кремовые стены были расписаны черными тонкими линиями – лица, вещи, неожиданные предметы. Несколько человек пили кофе и с невозмутимым видом читали французские газеты. Играла незатейливая музыка. Я закрыла глаза, желая получше запомнить этот момент.

Возможно, эта минута в лобби будет лучшей за всю поездку.

– Даша, я не понимаю, чего они от меня хотят. Там какие-то проблемы с бумажками, – услышала я, и волшебство исчезло. Нужно было снова бежать и решать проблемы. Впрочем, никакой особой проблемы и не было. Портье просто хотел, чтобы мама дала ему свой паспорт. Самый ненавистный мамин документ – в нем указан ее настоящий возраст – пятьдесят девять лет. Шестьдесят без месяца. Мама прячет паспорт в самый дальний карман своей сумки для путешествий из кофейного цвета телячьей кожи. Думаю, ее новый «Кузьма» никогда в жизни не увидит мамино паспорт.

Кузьма Савин – имя было фальшивым, – я смотрела в интернете его биографию, и весь он был фальшивым, как артистический грим. Мама была влюблена, и я никак не могла понять этого. Вокруг нее было достаточно успешных режиссеров, маститых сценаристов и писателей – седовласых стройных мужчин, подходящих ей по возрасту, статусу и интеллекту. Но мама шарахалась от них, как от проказы.

В номере было темно и пахло духами. Одним резким движением я раздвинула шторы и сощурилась от яркого света. Большая кровать, стол, стулья и глубокое мягкое кресло с широченными подлокотниками – вот то место, где я буду работать. Кресло моей мечты. Я подготовила документы, позвонила в клинику, подтвердила наш прилет и предстоящую встречу. Когда я закончила, мама уже удалилась в ванную комнату.

– Зачем ты красишься? Ведь мы едем к твоему доктору! – возмутилась я, застав мать перед зеркалом. Краситься – неправильное слово, и даже выражение «накладывать грим» не совсем подходит тому священнодействию с кистями и красками. Мама рисовала себя. С каждым годом она рисовала себя все дольше, и, заигравшись, не заметила момента, когда ее лицо от такого количества тонального крема стало выглядеть смешным и картонным.

– О чем ты говоришь, Даша, ведь мы едем к лучшему пластическому хирургу во всем Париже! Неужели я могу выглядеть как попало?!

– Он все это будет резать, какая ему разница, что ты выровняешь тон?

– Это просто грубо! – возмутилась мама. А я злилась всю дорогу, потому что к тому же совсем не выпалась.

– Ты хоть понимаешь, что никаких гарантий тебе никто не даст? Эти хирурги – просто паразитируют на таких, как ты!

– Сколько слов! – воскликнула мама, театрально взмахнув рукой. – Что бы ты понимала! Лучше помоги мне переодеться. Ты приняла душ?

– Зачем? На меня там всем наплевать.

– А тебе самой на себя тоже наплевать? – проворчала мама, но я уже думала совершенно о другом.

– А что, если операция пройдет неудачно? Ты и так выглядишь просто прекрасно, мама.

– Я что, по-твоему, слепая? – фыркнула она.

– Может быть, – выдохнула я, понимая всю бесперспективность своих попыток. – Для своего возраста...

– Не говори мне ничего про мой возраст! У меня нет возраста, есть только вода прожитых лет, – пропела мама, убирая помаду в косметичку. – Даша, не порти мне настроение, не заставляй жалеть, что я взяла тебя с собой.

– Я не хотела ехать с тобой, и ты знаешь это.

Мама остановилась в дверях и кинула на меня взгляд, полный бессилия и боли.

Клиника, а скорее дворец каких-нибудь призрачных королей, утопает в зелени. По старинным стенам ползут вверх тонкие зеленые ветви плюща. Воздух наполнен запахом цветов.

И все, чтобы замаскировать то, чем они здесь занимаются. Торговлей мечтами о красоте.

И через минуту мы уже внутри, заполняем стандартные формы, кучи бумажек. Красивые девушки в белоснежных халатах улыбаются ласково и заботливо, и ощущение спокойствия снисходит на маму, ее плечи распрямляются, она улыбается в ответ. Ложное спокойствие, все тут – ложь. Я хмурюсь, но меня никто не спрашивает.

– Напиши, что у меня нет аллергии, – говорит мама, глядя мимо меня в сторону рекламного плаката с безукоризненно красивой женщиной без возраста. – У меня никогда не было аллергии.

– Я все пишу. Тут нет такого пункта, про аллергию.

– Ну, не важно. Видишь, это очень хорошая клиника.

– Не сомневаюсь, – бормочу я. – За такие деньги можно сделать любой ремонт.

– Ну при чем здесь ремонт?! – мама всплескивает руками и качает головой в неодобрении. – Разве я о ремонте говорю?

– В каком-то смысле... – отвечаю я из вредности. Девушки за стойкой смотрят на нас с вежливым недоумением. Мы говорим по-русски. Уверена, при таком количестве русских клиентов им давно бы стоило завести русскоговорящего сотрудника, но, увы и ах, никто не понимал, о чем мы говорим.

– Месье Робен примет вас через минуту, – сообщила одна из девушек, провожая нас в комнату, больше похожую на рабочий кабинет какого-нибудь профессора из Оксфорда. Да уж, тут сделали все, чтобы как можно меньше напоминать своим клиентам, что их здесь собираются резать. Высокие книжные шкафы, темный стол из дорогой породы дерева. Сквозь приоткрытые створки жалюзи – вид на сад. Интересно, где они прячут настоящие медицинские палаты?

– Андре Робен, самый лучший пластический хирург, – сообщила мне мама гордо. – Знаешь, кого он оперировал? Если бы ты узнала реальный возраст кое-кого из нашей политической элиты, ты бы просто упала.

– Мам, я поняла, волшебник и чародей. Мне на него наплевать. Давай не будем об этом. Я тут, чтобы переводить.

– Ты здесь, чтобы поддержать меня, – строго возразила мама.

– Как я могу поддержать тебя в том, что считаю ошибкой? – спросила я, но, к моему удивлению, вместо того чтобы отбрызнуть меня, мама улыбнулась самой лучезарной из своих улыбок. Я нахмурилась. Странная реакция.

– Bonjour, – услышала я голос за моей спиной и резко обернулась.

Там стоял он, Андре Робен, лучший пластический хирург во всем Париже. Напряженный взгляд темных глаз. Губы плотно сжаты, ни тени улыбки. Он услышал мою последнюю фразу? Ну, конечно, услышал! Он, конечно, не мог понять ее смысла, но тон мой говорил сам за себя.

– Bonjour! – пропела мама изменившимся голосом, даже тембр другой – ниже, сексуальнее, агрессивнее. Мама становится такой каждый раз, когда рядом с ней появляется красивый мужчина. Был ли Андре красивым? Я бросила еще один взгляд на врача и нахмурилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/alisa-klever/polnoch-po-parizhskomu-vremeni-amazonka-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)